

Газета «Курган и курганцы»

от 30 августа 2011 года

ОЧАРОВАНИЕ СЛОВОМ

Писатель Иван Яган о жизни, творчестве и мечте

Представлять курганскому читателю Ивана Ягана не нужно. Автор замечательных повестей «За Сибирью солнце всходит», «Если бы не фортуна», «Данилкино детство», «Безусловный эффект», «До завтра, Глаша!», рассказов, стихов, очерков, он почти четверть века руководил областной писательской организацией, вдохновил многих людей к творческому труду. Скажем прямо, признание не обходило Ивана Павловича. И недавно последовало очередное тому свидетельство: писателю присвоено звание почетного гражданина города Кургана.

Отец

Для него детство — словно увиденный вчера сон: так прочно его впечатления врезались в память. Но вот что удивительно. Почти все родственники Ивана Павловича — люди без образования, хотя при этом культурные, воспитанные и мудрые. Тут есть загадка, свойственная, наверное, жизни каждого человека.

У Ягана все началось, когда пришел момент очарования словом. Вырос он на народных песнях и обычаях, бабушкиных сказках. Его отец, колхозный шофер из дальней омской деревушки Байдановки, играл на гармошке популярные тогда песни.

В бою под Москвой отцу пулей пробило легкое. Он мог прикрыть нос и дышать сквозь рану. После госпиталя приехал в Байдановку. Потом — опять на фронт.

Водил «Катюшу». Во время войны существовал приказ: в случае опасности окружения «Катюша» должна быть уничтожена. Вместе с отцом в кабине ехал молодой лейтенант. В сложный момент боя ему показалось, что окружение неизбежно, и он приказал готовить машину к взрыву. Яган-старший возразил: «Нет, мы сейчас вырвемся». Лейтенант взял наизготовку автомат. Яган указал на свой: «У меня тоже есть». Затем он вовремя развернулся, оценил проходимость дороги и вывел «Катюшу» за линию обороны. И лейтенант представил водителя к медали «За отвагу».

Поведение родственников всегда было для Ивана Павловича нравственным примером. И уже за этим следовали все прочие события жизни, в том числе и творчество.

Крейсер «Новороссийск»

«У меня было два крестных отца. Первый — Твардовский. До сих пор храню вырезку из «Литературной газеты» с такой вот заметкой: «В дни подготовки к сорокалетию Советской Армии и Военно-Морского флота к военным морякам Черноморского флота приезжали писатели из Москвы и Киева. Они провели литературный вечер в Севастопольском доме офицеров флота, выступили на одном из боевых кораблей. Писатели рассказали о творчестве и планах на будущее, читали свои произведения. На снимке: Александр Твардовский делает подпись на своей книге «Василий Теркин» начинающему поэту-черноморцу старшему матросу Ивану Ягану». Разумеется, стихи мои были слабыми, да и Твардовский не расточал похвалы. Сказал, однако: «Вам нужно поступить в Литературный институт, учиться». Стало быть, увидел в этом смысл.

Но еще раньше мне вместе с другими моряками довелось пережить страшное потрясение, которое, если не напрямую, то опосредованно, заставило выговориться в стихах и прозе. На моих глазах 29 октября 1955 года погиб линкор «Новороссийск». Мы вместе ходили в учебный поход, перенесли штормы.

Накануне ноябрьских праздников мы стояли в северной бухте Севастополя. Я был рулевым, дежурил. В тот вечер ребята нашего экипажа, как и «Новороссийска», пришли из увольнения с берега. Подвесили свои койки, легли отдыхать — и раздался взрыв. Я только что принес дежурному офицеру метеосводку — ее готовили каждые четыре часа — и улегся на диванчике в штурманской рубке, где разрешалось отдыхать. Обычно я либо сочинял стихи, либо читал. Чувствую, заходили якоря, раздался гул. По внутренней трансляции передали: «Аварийной команде построиться на юте». В ней было человек 25?30.

Наш баркас направился в сторону «Новороссийска». Другие корабли направили на крейсер свои прожекторы. Было видно, что после взрыва у линкора появился дифферент на нос. Потом корпусом заслонило горизонт, корабль стал переворачиваться и уперся мачтами в дно бухты.

Погибло более 600 человек. Оказывается, на «Новороссийске» сыграли команду «Боевая тревога!» Все члены экипажа заняли свои места, большинство — в нижних помещениях. Не нашлось никого из командного состава, кто бы быстро оценил безнадежность положения. Команды отбоя не было. После затопления люди подавали сигналы еще три дня. В одном отсеке пели «Варяг». Снаружи днище корабля пытались разрезать...

Это произошло накануне октябрьских праздников, и официально считалось, что ничего не произошло. Корабль постепенно скрылся под водой. У каждого из нас были там друзья, вместе учились в учебном отряде. Погибло 604 человека. Весь Севастополь сидел на берегу и плакал.

А нам знать об этом было не положено. Построят перед увольнением, замполит спрашивает: «Куда, матрос, идете?». — «На танцы». — «А ты?». — «Я в кино». Врали, конечно. Замполиту приказано было, если он увидит больше трех человек вместе, разгонять, чтобы не обсуждали эту тему. Потом корабль подняли воздушными баллонами. Тела погибших вывезли на братское кладбище в общую яму и заложили дерном — даже не поставилиobelisk. А семьям сообщили — погиб при исполнении служебных обязанностей. И только через 30 лет в газете «Правда» был опубликован материал об этом».

Валерий Собанин

После службы Иван Павлович работал в многотиражке Омского шинного завода. Много писал. Был принят в Союз писателей СССР. И в 1974 году его пригласил в Курган в обком партии. Писательская организация Зауралья была тогда невелика. Первый ее руководитель, Яков Терентьевич Вохменцев, собрался на пенсию, и встал вопрос, кто будет секретарем. Виктор Федорович Потанин от секретарства отказался наотрез, притом что готов был оказать любую помощь. И Яган получил предложение переехать в Курган. Но сначала его приняли в газету «Советское Зауралье».

В июле 1974 года произошло событие, без преувеличения, потрясшее весь город. Старший сержант линейного отдела милиции Валерий Собанин погиб при задержании опасного преступника. Говорили, что убийца ударил милиционера в сердце в тот момент, когда он нагнулся над ним, чтобы надеть наручники.

Это было первое задание Ивана Ягана. Он побывал в горисполкоме на заседании комиссии, которое проводил председатель Геннадий Сергеевич Махалов, связался со школой, где учился убийца, встретился с родственниками погибшего милиционера. Жил Иван Павлович тогда в гостинице. За ночь написал очерк. Утром пришел в редакцию к восьми. Заместитель редактора газеты Николай Андреевич Лапшин спрашивает:

— Вы были вчера на комиссии?

— Был.

— Ну что ж, идите, пишите.

Яган подал рукопись:

— Вот, я уже написал.

Лапшин начал читать, потом вернул бумагу:

— Отдайте на машинку, поставим в номер.

12 июля, в день похорон милиционера, очерк был опубликован в газете. Он назывался «Не забудем твой подвиг, Валерий!».

А в октябре 1974 года на собрании областной писательской организации Ивана Павловича избрали секретарем. Это была освобожденная ставка — 120 рублей.

Потом Яган обменял квартиру (у него была трехкомнатная в Омске), перевез семью. Меня интересовали люди, родственные мне по творчеству. С Виктором Федоровичем мы вместе были на семинаре. Очень подружился с Пляхиным, Вохменцевым.

Яков Вохменцев

Когда в 1965 году создавалась Курганская писательская организация, ее костяк составляли Леонид Иванович Куликов, Иван Терентьевич Коробейников, Николай Александрович Глебов.

Якова Терентьевича Вохменцева переманили в Курган из Челябинска. Сказать о Вохменцеве самобытен — мало. Большой эрудит, он великолепно знал русскую поэзию, литературу. Публиковался в центральной прессе. Его стихотворение о ревности сейчас многие поэты считают классическим.

Яган поддерживал со своим предшественником постоянные дружеские отношения. Как-то он с поэтом Алексеем Пляхиным приехал в село Острова Юргамышского района — там у Вохменцева была «дача» — деревенский дом с огородом. Жена любила выращивать цветы, сам же Яков Терентьевич не прочь был половить рыбу. На следующий день по приезде рано утром Яган и Пляхин вышли на берег, а Вохменцев уже на воде, в лодке, вытаскивает сети. В сеть попал дикий утенок. Яков Терентьевич осторожно освободил его, отпустил и над тихими водами гости услышали его голос:

«Зачем на Бога мне роптать,

Когда хоть одному творенью

Я мог свободу даровать...»

Он был человеком остроумным. Однажды в «Советском Зауралье» дали подборку стихотворений Владимира Генделя, одно из которых называлось «Доброта». Как раз в тот вечер в писательской организации проходило собрание. Приходит Вохменцев и говорит: «Написал шарж. Послушайте:

«На доброту у нас огромный спрос,
И уменьшаться никогда не станет.
Людей учил добру Иисус Христос,
Теперь же эту лямку Гендель тянет».

Он не пил, не курил, но местные начальники начали предъявлять к нему претензии, что он не имеет права держать усадьбу в деревне, поскольку прописан в городе. Даже подгоняли бульдозер. Яков Терентьевич молчал. Но однажды, когда терпению наступил предел, проговорился:

— Есть в Юргамышском районе сукин сын один, землеустроитель, выживает. Что мне делать?

Яган связался по телефону с первым секретарем райкома. Спросил:

— Вы хоть понимаете, что делаете? Человек, писатель тянется к природе. Это его родина. Разве он преследует какую-то личную выгоду?

Первый секретарь дал команду — гонения прекратить. Но, оказывается, было уже поздно. Наутро в писательскую организацию позвонила жена Вохменцева:

— С Яковым Терентьевичем плохо — обширный инфаркт.

Яган и Пляхин пришли в больничную палату. У Вохменцева уже были молочные бесцветные глаза. Но он успел сказать: «Ребята, берегите друг друга!». А еще через ночь, 6 июня, наступил финал — поэт скончался. Вохменцев не дождался и выхода книжки «Застенчивая профессия» в издательстве «Современник», которая увидела свет в том же 1979 году.

Правда вымысла

«Всегда отправной точкой для создания того или иного произведения мне служил факт из жизни. Не говорю о повести «За Сибирью солнце всходит» — она построена на впечатлениях деревенского детства, рассказах родственников, моих собственных исторических изысканиях. Но есть и другие примеры.

В Омске я работал редактором на шинном заводе. Встретился с рабочим Виктором Александровичем Русиным. Написал очерк «Сын завода». Узнал, что журнал «Аврора» вместе с ЦК комсомола объявили конкурс на лучший очерк о молодом рабочем. Мой очерк опубликовали и присудили первую премию. Потом я из этого очерка сделал повесть.

Собирая материал, я много разговаривал и со своим героем, и с другими заводчанами. В то время еще было много людей, которые работали в войну, и они вспомнили то, что в своем рассказе упустил по своей скромности Виктор. Я почувствовал большую доброту, которая спасла этого человека. Героем Соцтруда он не стал, но был героем по сути. Затем события, изложенные в очерке, я развернул в повесть.

У главного персонажа повести «Данилкино утро» был реальный прообраз. После службы на флоте я жил у тещи в пригороде Омска. А к ней в гости приезжал из Муромцевского района муж ее сестры — Даниил Прохорович Детков. Однажды мы сидели за столом, он мне рассказывал о своем детстве и плакал, и я плакал вместе с ним. А когда он уехал, я решил — нечего откладывать. И взялся за перо. Некоторые события пришлось домысливать. Но созданные моим воображением факты вытекали из логики событий. Потом вышла повесть, и он стал человеком, популярным в своем районе. Я подарил книгу Даниилу Прохоровичу. Он прочитал, приехал, говорит, указывая на открытую страницу: «Этого, вроде, я тебе не говорил. Но все правильно: было. Только я запомнил».

...До сих пор себя корю и не понимаю, почему не закончил повесть «Как я искал балалайку». Лет двадцать назад мы Василием Ивановичем Юровских приехали в деревню Воробьевку, что километрах в двадцати от Шадринска. Мы сидели с ним, отдыхали и пели частушки. Он много их знал, и я знаю много. Нам показалось, что без балалайки плохо. И я вызвался пойти по домам, поискать. Вася выразил сомнение: вряд ли ты найдешь. Но я упрямый. В этой деревне осталось шесть-семь домов. Жили чувашки, у которых мужья спились. Рядом — старый железнодорожник, только что построивший дом. Он любил рыбачить и прибил у ворот табличку с надписью «Улица Рыбачья». К нему приехали из сельсовета и сказали: «Кто тебе дал право называть улицы?» Я узнал судьбы этих людей. У меня было в запасе и немало фактов, эпизодов об умирании малых деревень. Написал зачин, но другие дела отодвинули».

Спасенные дачи

При своей общей загруженности Иван Яган писал не только повести, но и обращался к повседневным проблемам горожан. В 1987 году написал большую публицистическую статью «Не топись в огороде, баня!». Она была направлена в защиту дачных бань, против которых почему-то ополчилась областная молодежная газета. Бани на дачах квалифицировались как излишества. Параметры дачного домика предписывались в размерах три на четыре метра. Те же домики, что превышают означенную меру, должны быть перестроены. Иван Павлович оценил это как абсурд. Он принес свою статью редактору «Советского Зауралья». Тот прочитал, вздохнул и сказал:

— Иван, я не могу это опубликовать. На днях состоится сессия облсовета, на которой примут решение, противоположное тому, о чем ты пишешь. Не могу я против ветра...

Тогда Яган пошел со своим материалом к первому секретарю обкома КПСС Александру Николаевичу Плеханову. Он прочитал и удивленно откинулся на спинку кресла:

— Это правда, что ли?

Забегая вперед скажу, что решение сессии отложили, а потом и вовсе от него отказались.

Плеханов в том разговоре предложил:

— Сейчас я позвоню редактору, нужно вашу статью опубликовать.

Иван Павлович отказался:

— Нет, я так, под нажимом, не могу.

Статья была напечатана чуть позже в журнале «Урал».

Занимаясь дачной проблемой, сам Иван Павлович дачи не имел. Но через несколько лет, когда с продуктами стало совсем уж туго, воспользовался советом писателя Василия Юровских. Тот сказал:

— Ничего, ребята, не помрем. Берите землю, она спасет.

Сейчас уже и продуктов в магазинах довольно, а дача не отпускает. Более того, что ни сезон, то прибавляет новых впечатлений. На столе писателя почти готовая рукопись «Уж ты сад, ты мой сад!», полная пристальных житейских зарисовок с натуры.

Колыбельная для «Тобола»

«Моим крестным отцом в литературе был также Виктор Астафьев. Мне повезло. В 1966 году проходил большой всесоюзный семинар молодых литераторов в Кемерово. Я в те дни как раз сдавал госэкзамен в Уральском университете и находился в Свердловске. Мне позвонил секретарь Омской областной писательской организации Леонид Иванов:

— Направляем на семинар.

— Так у меня экзамен через шесть дней!

— А что сдавать?

— Историю КПСС.

— О-о-о! Так ты не сдашь, что ли?

Поехал покупать билет на самолет. Так я попал на семинар Виктора Петровича Астафьева. На этом же семинаре был Виктор Федорович Потанин. У нас завязалась большая дружба. Астафьев жил в Вологде, потом в Перми, Красноярске.

Наступило время, когда все было перекрыто. Издательства сказали писателям: рукописи не присылайте, издавать не будем. Переходим на коммерческие рельсы. Журналы перестали платить гонорары. Нужна была хоть маленькая отдушина — площадка для публикаций. И я задумал выпускать альманах «Тобол». Обратился к Виктору Петровичу с просьбой написать обращение к писателям и читателям. И в одном из первых номеров мы напечатали его напутствие».

Сейчас пришли другие времена. Возможность напечататься есть, хотя бы небольшим тиражом. Иван Яган и его преемник на посту секретаря областной писательской организации Владимир Филимонов задумали издать двухтомник «Избранное».

Семья

Жена Ивана Павловича Лидия Ивановна много лет работала в школе, была уважаемым человеком. Она умерла пять лет назад, похоронена на кладбище в Кетово. Проезжая на дачу мимо кладбища, Иван Павлович отворачивается, чтобы сдержать слезы.

Он — отец двух дочерей. Оксана работала на телевидении, вторым браком вышла замуж и уехала с мужем в Англию. От двух браков у нее две дочери. Когда старшая дочь после 47-й школы пришла в английскую школу, была лучшей в своем классе. Старшая дочь Марина руководит агентством «Вокруг света». Ее сын учится на последнем курсе университета. Зовут его, как и деда, Иван Яган.

Анатолий Кузьмин.

фото Леонида Архипова